

Информационная деятельность как приоритет общественного развития в XXI веке

Ягодзинский Сергей Николаевич, кандидат философских наук, доцент
Национальный авиационный университет (Украина, г. Киев)

Исследуется сущность информационной деятельности в сетевом обществе начала XXI века. Обосновывается мысль о важности политического администрирования реализации социокультурного потенциала глобальных информационных сетей.

Информационно-технологическая революция, будучи логическим следствием и продолжателем предыдущих этапов научно-технического прогресса определяет общий контекст современности. Основное её отличие от предыдущих эпох кроется не столько в обновлении способов производства, сколько в сужении горизонтов социокультурного развития. Поясним более подробно нашу позицию. В специальной литературе, посвященной научному, научно-техническому, технологическому развитию человечества каждое открытие, которое в дальнейшем повлияло на его темп и сущность, идентифицируют как безусловный прорыв. При этом любые предостережения относительно будущего воспринимаются как важные, но такие, которые не способны остановить трансформацию общества под влиянием инноваций.

Характерным в этом ракурсе считаем призыв Ж.—Ж. Руссо не отрывать прирост научных и технических достижений человечества с его социально-культурной, социально-политической и морально-эстетической эволюцией. Для выражения своей идеи он применил аллегорию, отметив: «Если бы житель каких-нибудь отдаленных стран попытался создать себе представление о европейских нравах, исходя из состояния наук в наших странах, из совершенства наших искусств... то у этого чужеземца сложилось бы о наших нравах представление как раз обратное тому, что они собой представляют в действительности» [6, с. 14]. Сказанное почти три века назад сохраняет свою актуальность и в эпоху глобальных информационных сетей. Окружив себя современной техникой, овладев необходимыми секретами природы, покорив все стихии, человечество оставляет без должного внимания развитие духовных и социальных сторон своей сущности.

Мы намеренно обходим сотни фамилий философов, историков, социологов, политологов, культурологов, а также тысячи томов научных трудов, в которых подробно описан цивилизационный прогресс человечества от его зарождения и до конца XX века. Предмет нашего научного интереса — начало новой эры, которая в полной мере развернула себя в начале XX века завершением компьютеризации и информатизации всех сфер жизнедеятельности. Общество, в котором названные процессы определяют метрику социального пространства и времени, традиционно называют информационным. Как ни странно, в современных философских энциклопедиях и словарях не приведено более-менее устоявшегося определения информации. Так, в переиздании «Новой фило-

софской энциклопедии» (2010) статья «Информация» отсылает к статье «Теория информации». И хотя ее автор указывает важность концепции информационного взаимодействия для понимания развития природных и социальных процессов [5, с. 142], всё же он обходит категориальное выражение сущности информации. Философский словарь под редакцией И. Т. Фролова (2001) содержит отдельную статью, посвященную информации, но так же не дает исчерпывающего понимания ее философского содержания. Освещая различные аспекты информации, составители словаря считают, что информационное общество — это всего лишь «идеал, который должен реализоваться в ходе социального развития» [7, с. 217]. Не раскрывают специфики философского подхода к толкованию информации и более современные словари. С середины XX в. — это общенаучное понятие, включающее в себя обмен данными между людьми, человеком и машиной, машиной и машиной. То есть под информацией понимают любое активное действие, которое может иметь как материальное, так и нематериальное выражение.

Понятие информации в контексте данного исследования применяется для обоснования тезиса об атрибутивном характере информационной деятельности в общественном развитии человечества. Прежде всего мы должны ответить на вопрос: какая информация представляет общественную стоимость, и по каким критериям следует определять её цену? Для решения этой проблемы разделим информацию на «положительную» (способствует эволюционному темпу развития) и «негативную» (приводит к деградации общества, содержит аморальный, подрывной контекст). На наш взгляд, именно «положительная информация» наполняет информационные потоки, которые являются объектами информационной деятельности. Общественный прогресс возможен лишь там, где на входе и выходе общественных информационных взаимодействий находится информация, идентифицирована нами как положительная. Поскольку она является отражением социальных отношений, то её структурированность связана с доминирующей системой социальных сетей. Только такая информация может быть объектом правового регулирования, основой экономических отношений, двигателем общественных изменений.

Правомерно возникает вопрос о том, может ли информационное пространство быть контролируемым? Кто и при каких условиях способен определять его пра-

вила, нормы и приоритеты? Некоторые исследователи убеждены, что с такой задачей предстоит справиться государству, поскольку именно оно есть гарантом правопорядка, основная функция которого — защита всех типов отношений, возникающих в обществе. Неудивительно, что в начале XXI века в эпоху технологий, призванных обеспечить реализацию всех форм индивидуализации «во всем мире ныне растет привлекательность ценностей «социальной солидарности», взаимопомощи, обеспечения индивидуальной безопасности не силами разрозненных индивидов... а усилиями государств, местных communities, союзов государств и т.п. В таких условиях естественно повышается роль таких «глобальных», именно общезивилизационных ценностей, как международное сотрудничество, единство и сплоченность человечества» [4, с. 296]. Несмотря на такую попытку возвращения в социально-философский дискурс нарратива государства, открытым остается вопрос о том, как государство с ограниченной территорией может охватить те отношения, которые не имеют границ, а именно — информационные отношения?

Глобальное информационное пространство лишено искусственных границ, которыми являются государства. Изучая языки и приобщаясь к информационным сетям, человек все меньше зависит от властных и гражданских структур. Такие рассуждения привели исследователей общества к выводу об исчезновении государства уже в ближайшем будущем. Впрочем, прогнозы не оправдались. Как пишут С. Нора и А. Минк, кооперируясь в экономической и социально-политической сфере, принимая международные акты, государства обеспечивают себе исключительный доступ ко всему комплексу социально важной информации [2]. На наш взгляд, этот процесс является обратной стороной глобализации. Открывая рынки, приближая культуры, уплотняя социальное пространство, глобализационные процессы, тем не менее, опираются на стабильные социальные образования, которые олицетворяют собой государства, транснациональные корпорации, экономические консорциумы, органы так называемого мирового правительства. Указанные социально-правовые и морально-ценностные индивидуализированные интересы неизбежно порождают конфликт в понимании информационной деятельности, её защищенности, автономности, открытости, самоорганизованности различными социальными агентами. За эти принципы открыто выступают представители технической элиты, которые демонстрируют негативное отношение к административно-правовому контролю. Подчиненные им информационные ресурсы в автоматизированном режиме регулируют право на защиту персональных данных, право на мнение, право на неприкосновенность личной жизни и т.д. Нередко не завершались успехом обращения официальных властей к владельцам социальных сетей с просьбой предоставить данные о том или ином лице, раскрыть его статус, персональную информацию или иные сведения.

Общественные организации также пристально следят за открытостью информационного пространства и всеми

средствами борются против чрезмерной нормативности, формализации и регламентации информационной деятельности. В 1996 году на мировом форуме в Давосе Дж. Барлоу была представлена «Декларация независимости киберпространства» [1]. Целью декларации было провозглашение нового мира, в котором нет привилегий и предубеждений, социальной дискриминации и административного ресурса. Это реальность, в которой не действуют старые индустриальные методы порабощения человека, отсутствуют границы и социальная несправедливость. Сторонники такой позиции считали, что сеть должна оставаться «чистой» от законодательного нормирования, быть зоной свободного вещания информации, идей, мыслей. Ведь, войдя в сеть, субъект социальных отношений тем самым соглашается с «коллективным» использованием его информации, в результате чего она становится общим ресурсом.

Впрочем, такую позицию мы вынуждены признать утопической. Этому есть несколько причин. Прежде всего, отметим, что декларирование владельцами транснациональных корпораций информационной свободы, равенства доступа к социально важным данным умело конвертируется ими в значительные доходы и сетевое порабощение населения отдельных стран. Мы убеждены в невозможности создания и реализации такой модели информационного взаимодействия, которая исключала бы действия, направленные на разрушение, дестабилизацию социальной системы. Ведь принудительно, административно, политически, экономически, военно можно вмешаться в работу любой информационной сети и навязать подключенным к ней социальным агентам заранее определенные правила игры. Второй аспект, ограничивающий полноценную реализацию социокультурного потенциала информационных сетей, кроется в искажении представления об информационных отношениях, информационных ресурсах и информационной деятельности. Примечательно в данном контексте исследование В. А. Емелина и А. Ш. Тхостова, которые сравнили Интернет с Вавилонской башней, вполне правомерно ставя вопрос о том, насколько информационное пространство реально. При ответе на этот вопрос следует учесть проблемы связанные с распознаванием и различением информации, которая размещается в безграничном пространстве глобальных сетей несметным количеством пользователей [3, с. 76]. В результате, количество информации абсолютно разрывает связь с ее качеством, а практика самотиражирования информационных сообщений превращает восторг от скорости доступа к информационным ресурсам в сомнение в ее точности и достоверности.

Учитывая сказанное, укажем на важную институциональную роль государства в организации информационной деятельности. Наши аргументы по этому поводу сводятся к следующим соображениям. Прежде всего, государство и его представительские органы значительно ближе к гражданам, нежели наднациональные корпо-

рации и их руководители. Психокультура, характеризующая население отдельных стран, позволяет довольно точно предсказать мотивы и поступки властей. Во-вторых, в начале XXI в. степень интеграции общества и информационных сетей в глобальном масштабе нельзя считать удовлетворительной. По различным социологическим оценкам, даже в развитых странах мира от 15 до 30% населения не являются активными пользователями виртуальных социальных сетей, а информационные технологии используют только как инструмент упрощения повседневных дел (оплата счетов, переписка, просмотр новостей). В развивающихся странах и странах третьего мира ситуация значительно хуже. Именно это заставляет нас признать за государством важную функцию адаптации её граждан к активному привлечению к информационной деятельности, как на уровне быта, так и при ведении бизнеса, реализации собственной гражданской активности и тому подобное.

Без воли государств процесс окончательной глобализации информационных сетей невозможен. Ведь сетевое пространство, хотя и нефизическое, все же является виртуальным относительно к его носителям — серверам, коммуникативным сетям, протоколам, администраторам, спутникам, провайдерам. Третьим аргументом в пользу государственного регулирования информационной деятельности является введение, поддержка и разработка стандартов. Последние обеспечивают стабильность и надежность системы, а также доверие к ней как к носителю социальной справедливости. И хотя корпорации масштаба Apple, Google, Facebook, Samsung и другие пытаются внедрить собственные стандарты безопасности, отчетности, аутентификации и даже денежные единицы, государство без особых потерь способно отмежеваться от этих систем.

Несмотря на то, что каждый из нас испытывает дискомфорт без доступа к Интернету, сотовой связи и системам спутниковой навигации, в мире существует незначительное количество глобальных информационных сетей, отсутствие которых могло бы ощутимо негативно повлиять на жизнедеятельность и благосостояние со-

циума. Если проанализировать средства, которые используют мировые лидеры в случае наложения санкций на то или иное государство, то, прежде всего, ограничения касаются торгово-финансового оборота, добычи полезных ископаемых и сотрудничества в военной сфере. Свертывание других программ, в том числе цифровых сетевых сервисов, виртуальных социальных сетей, не привлекается. Напротив, применяются все возможные средства для недопущения свертывания указанных систем на территории отдельного государства. Ведь потенциал глобальных информационных сетей оказывается достаточным для поддержания открытым канала, через который будет происходить или нивелирование конфликта, или десантирование необходимых идей.

Мы пришли к выводу, что на данном этапе цивилизационного развития государство, как основной политический игрок, имеет основания вмешиваться в информационные отношения и информационные процессы, происходящие на его территории. Этот вывод коррелирует со становлением мировых правовых систем, в котором четко определены виды информационных отношений, которые нуждаются в социокультурной оценке и правовой защите. Во-первых, это отношения, связанные с функционированием Интернета и доступа к нему. Во-вторых, отношения в сфере электронной коммерции, которые становятся доминирующими в социальном пространстве, поскольку полезны как потребителю, так и производителю. В-третьих, отношения по защите авторских и других исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, которые размещены в информационном пространстве. В-четвертых, отношения, возникающие по защите конфиденциальности информации, предотвращения распространения информации частного или стратегического содержания. Приведенный перечень отношений, которые возникают в информационном пространстве и становятся объектами информационной деятельности, свидетельствует о том, что они являются неоднородными по своей социокультурной природе и требуют дополнительного социально-философского и политико-экономического обоснования.

Литература:

1. Barlow, J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace // <https://projects.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html>
2. Nora, S., Minc A. The Computerization of Society. A report to the President of France. — Cambridge, 1980. — 180 p.
3. Емелин, В. А., Тхостов А. Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. — 2013. — № 1. — с. 74–84.
4. Мотрошилова, Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов; Изд. 2-е. — М.: ИФРАН, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. — 480 с.
5. Новая философская энциклопедия: В 4-х т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ. — науч. фонд; Научно-ред. совет: председ. В. С. Степин. — М.: Мысль, 2010. — Т. II. — 636 с.
6. Руссо, Ж. — Ж. Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов? / Трактаты / Отв. ред. А. З. Манфред. — М.: Наука, 1969. — с. 9–30.
7. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. — М.: Республика, 2001. — 719 с.